

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО В ФЕВРАЛЬСКОМ ПЕРЕВОРОТЕ 1917 г.

THE SUPREME COMMANDER'S HEAD- QUARTERS IN FEBRUARY 1917 REVOLT

I. Grebenkin

Annotation

The research focuses on the role and importance of the Russian Empire supreme commanders during the revolutionary unrest in February 1917. Considerable attention is paid to interaction peculiarities between the Supreme Commander's Headquarters and different political forces' representatives, as well as to the origin and development of the conflict between the military commanders and political leaders of the country during World War I. Main focus of the research is top generals' position in the circumstances of the revolution outset and their participation in abdication of Nicholas II.

Keywords: World War I, the Supreme Commander's Headquarters, political struggle, February Revolution, Nicholas's II abdication.

Гребенкин Игорь Николаевич

*Доктор исторических наук,
доцент Рязанского государственного
университета им. С.А. Есенина*

Аннотация

Статья посвящена месту и роли высшего командования Российской императорской армии в революционных событиях Февраля 1917г. Значительное внимание уделено характеру взаимоотношений Ставки Верховного главнокомандующего с представителями различных политических сил, происхождению и развитию конфликта военного командования и политического руководства страны в годы Первой мировой войны. Анализируется позиция высшего генералитета в условиях начавшейся революции и его роли в организации отречения Николая II.

Ключевые слова:

Первая мировая война, Ставка Верховного главнокомандующего, политическая борьба, Февральская революция, отречение Николая II.

К началу 1917 г. высшее командование российской армии оказалось втянутым в соперничество политических сил и группировок. Причины тому находились как в государственно-институциональной, так и в социально-политической плоскости. С момента создания Ставки Верховного главнокомандующего не был вполне урегулирован ее статус и порядок взаимодействия со структурами гражданского управления. В условиях неудовлетворительной работы тыла деятельность Ставки и лиц, ее фактически возглавлявших, приобретала характер постоянной борьбы с правительством за интересы действующей армии, что предопределяло симпатии общественности. По мере развития военной ситуации по неблагоприятному сценарию значительная часть генералитета совершенно обоснованно приходила к осознанию того, что существующий государственно-политический режим не ведет Россию и ее армию к победе.

Одновременно подобное мнение имело и глубоко субъективную подоплеку: высшие военные чины склонны были снимать с себя максимум ответственности за военные неудачи и состояние войск и возлагать его на правительство. Уже по этой причине военное командование ситуативно становилось союзником тех сил, которые стремились к переделу власти и готовили переворот в правящем лагере. Не являясь в принципе противником царизма, военная верхушка готова была примкнуть к любой политической группировке, обещавшей установить сильную власть в интересах обороны.

Летом 1915 г. в руководстве действующей армией

последовали серьезные перемены. Император решился принять на себя Верховное главнокомандование, что значительно повышало политический статус Ставки. Отныне Николай II заметно больше времени проводил в Могилеве и в поездках в войска, обычным явлением стали визиты общественных деятелей и министров, их совещания и правительственные заседания в Ставке. Тем не менее, император не претендовал на непосредственное руководство операциями действующей армии, и функции принятия решений фактически ложились на начальника штаба Верховного главнокомандующего. Назначение на столь ответственный пост Михаила Васильевича Алексеева состоялось при благосклонном отношении всех заинтересованных сторон. Представители думской оппозиции, очевидно, считали его подходящей фигурой и возлагали на него свои надежды. При этом, несомненно, учитывалось участие Алексеева в контактах высших офицеров с думской комиссией по Государственной обороне в 1908–1910 гг. и имевшее тогда место его знакомство с А.И. Гучковым. Император же нуждался в деятельном и грамотном помощнике во главе Ставки, желательно, узком профессионале, который не вмешивался бы в решение политических вопросов, находясь в тени августейшего Верховного главнокомандующего.

Генерал Алексеев относился к старшему поколению русского генералитета. К описываемому моменту ему шел 58-й год. Сын солдата николаевской службы, сам начинавший службу в нижних чинах, Алексеев более десяти лет провел на строевых должностях, отличился в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Окончив Акаде-

мию Генштаба 33-х лет, что считалось довольно поздно по понятиям того времени, Алексеев с 1890 г. прошел различные ступени службы Генерального штаба в центральном аппарате и в округах, преподавал в Академии, в качестве генерал-квартирмейстера 3-й Манчжурской армии участвовал в войне с Японией. К заслугам Алексеева во время мировой войны относились успешное наступление войск Юго-Западного фронта в Галиции осенью 1914 г. и отвод основных сил Северо-Западного фронта летом 1915 г., благодаря которому русская армия избежала катастрофы в Польше. Опыт и способности Алексеева в целом не вызывали сомнений в выдвинувшей его военной среде, а широким кругам офицерства импонировали его простое происхождение и честная карьера: "Командный состав видел в нем наиболее знающего из всех русских генералов руководителя. Армейский рядовой офицер видел в нем своего брата, вышедшего на высшие ступени иерархии исключительно благодаря личным заслугам" [3, с. 321]. Интересно, что служивший в то время в аппарате Ставки известный историк и публицист М.К. Лемке склонен был угадывать в поведении и настроениях своего начальника черты оппозиционности: "Как умный человек Алексеев отнюдь не разделяет курс современной реакционной политики, чувствует основные ошибки правительства и ясно видит, что царь окружен людьми, совершенно лишенными здравого смысла и чести, но зато преисполненными планами устроительства личной своей судьбы" [7, с. 194]. Свидетельства А.И. Деникина дают основания считать, что Алексеев разделял по крайней мере мнение о вредном влиянии императрицы Александры Федоровны на царя [5, с. 87, 104–105].

На фоне прогрессирувавших хозяйственных трудностей, более чем явно отражавшихся на снабжении фронта, а стало быть, на боевых и моральных качествах войск, в среде высшего военного командования закономерно складывалось убеждение в необходимости не просто мобилизации промышленности, но и наведения в тылу порядка, отвечающего требованиям военного времени. Эти проблемы стали предметом доклада, представленного М.В. Алексеевым 15 июня 1916 г. на высочайшее имя. В докладе приводились данные о состоянии военного производства, связанных с ним отраслей и транспорта, выполнении военных заказов за рубежом. Особая озабоченность высказывалась по поводу положения в рабочей среде, но пока лишь в связи с ущербом, наносимым производству забастовочным движением. В целом ситуация характеризовалась Алексеевым как предкризисная, требующая немедленных исключительных мер по ее преодолению и в первую очередь милитаризации заводов, работающих на оборону. В качестве ключевого условия их реализации предлагалось введение поста "верховного министра государственной обороны", назначаемого императором и только ему подотчетному, наделенному фактически диктаторскими полномочиями. Вне зависимости от того примерял Алексеев роль диктатора на себя или нет, его проект демонстрировал наличие у военных самосто-

ятельной позиции по внутривополитическим вопросам и серьезных претензий на участие в государственном управлении. Изначально исходивший от "военной партии" план Алексеева отражал ее видение обстановки и представления о методах разрешения проблем, преследовал ее интересы, а потому был обречен на сопротивление всех политических сил, чьи амбиции и интересы он так или иначе мог затронуть.

Комплекс мер, изложенных в докладе Алексеева, был вынесен на обсуждение совещания Совета министров, проходившего в Ставке 28 июня 1916 г. и был отклонен большинством министров. В принципе же идея мобилизации промышленности не была отвергнута, но ее проведение правительство намеревалось осуществлять самостоятельно в рамках законодательства. В этом случае Алексеев и, находившаяся в его руках Ставка, уже не являлись добросовестными партнерами правительства и превращались в его конкурентов, а возможно и врагов. Алексеев, окончательно разочаровавшись в возможности конструктивно сотрудничать с правительством, в дальнейшем не скрывал собственного к нему отношения. Такая позиция формально сближала его с лагерем либеральной оппозиции. И хотя проект диктатуры в алексеевской редакции не мог устраивать либералов, его неудача и обострение отношений Ставки с правительством дава-

ла общественным деятелям дополнительные возможности прочнее привязать Алексеева к своим планам. А.И. Гучков и его эмиссары усиленно искали контактов с представителями командования, совершая поездки на фронт. Еще в январе 1916 г. в Ставке у Алексеева побывали лидеры Союза земств и городов Г.Е. Львов и М.В. Челноков. Самому Гучкову удалось встретиться с Алексеевым в ноябре 1916 г. в Крыму, где тот в течение четырех месяцев находился на лечении. А.И. Деникин со слов самого Алексеева сообщает, что тот категорически протестовал против планов переворота, который мог бы в тех условиях только повредить армии и фронту. В данном случае достойно внимания, что Алексеев, отстаивая интересы армии, в принципе безучастен к судьбе императора и монархии. Одновременно он был уверен, что представители заговорщиков имели вполне конструктивные контакты с А.А. Брусиловым и Н.В. Рузским [5, с. 107–108]. По иным свидетельствам, Алексеев отказал Гучкову в прямой поддержке, но одновременно дал понять, что его планам противодействовать не будет [2, с. 187]. По этой причине, представляется справедливым мнение Гучкова о роли Алексеева в готовившемся заговоре: "он был настолько осведомлен, что делался косвенным участником" [1, с. 9].

Данные обстоятельства не только раскрывают характер отношений, сложившихся между правительственными кругами и высшим военным командованием накануне политического переворота, но и способны объяснить позицию, которую заняли первые лица из среды генералитета действующей армии в Февральских событиях, а также их роль в низложении Николая II.

С первых дней петроградских событий инициативу в политическом ориентировании руководства Ставки и самого императора перехватил М.В. Родзянко, возглавивший к тому моменту Временный комитет Государственной думы – один из центров противостояния правительственной власти. Обращаясь к Алексееву и Николаю II, Родзянко в качестве единственного выхода из кризиса настаивал на выполнении своего основного политического требования – созыве "ответственного министерства" [9, с. 5–6]. Одновременно он предпринял зондаж главнокомандующих войсками фронтов, продублировав в их адрес телеграмму, предназначенную Алексееву. Реакция военачальников последовала в ответных телеграммах, отправленных в Ставку. Наиболее осторожную позицию занял А.Е. Эверт. Обойдя молчанием политические предложения Родзянко, он высказал тревогу за состояние транспорта и вероятные последствия беспорядков для снабжения фронта. А.А. Брусилов, который и ранее неоднократно выражал солидарность с идеей более широкого привлечения общественности к государственному управлению, обращаясь к Алексееву заявил, что в сложившейся обстановке не видит другого выхода, кроме как последовать думским требованиям. Со всей определенностью высказывался Н.В. Рузский, адресовавший свое обращение непосредственно царю: "Ныне армия заключает в своих рядах представителей всех классов,

профессий и убеждений, почему она не может не отразить в себе настроений страны. Поэтому дерзаю всеподданнейше доложить Вашему величеству соображение о крайней необходимости принятия срочных мер, которые могли бы успокоить население и вселить в него доверие и бодрость духа, веру в себя и свое будущее" [9, с. 7, 9, 12].

Предполагаемые реформы, по убеждению генералов, не подрывали основ государственности, но способствовали бы подъему боевого духа армии накануне кампании 1917 г. Они же послужили бы прекращению беспорядков, недопустимых во время войны. Однако для прекращения беспорядков в столице Ставка не отказывалась и от более очевидных мер. Вечером 27 февраля Николай II принял решение о назначении главнокомандующим войсками Петроградского военного округа вместо С.С. Хабалова генерал-адъютанта Н.И. Иванова с чрезвычайными полномочиями (подчинение ему министров). Выбор этот, вероятно, имел особые основания. С одной стороны за Ивановым сохранялась репутация полководца Галицкой битвы 1914 г., с другой – генерала, подавлявшего в 1906 г. восстание в Кронштадте. Кроме того Иванов был известен показными, граничащими с льстивостью, проявлениями почитания монарха, что не особенно приветствовалось среди генералитета, но в совокупности создавало образ абсолютной преданности. Из Могилева с Ивановым должен был следовать Георгиевский батальон охраны Ставки. Надежные части для его миссии выделялись из резерва Северного и Западного фронтов. Особое внимание при этом Алексеев обращал на подбор начальников: "Нужно назначить прочных генералов, так как, по видимому, генерал Хабалов растерялся, а в распоряжение генерала Иванова нужно дать надежных, распорядительных и смелых помощников" [9, с. 10].

Однако, реальные условия, складывавшиеся вокруг экспедиции Иванова, не позволили даже приступить к исполнению, стоявших перед ней задач. Выделяемые с фронтов части по ходу перевозки сталкивались с саботажем железнодорожников, выполнявших распоряжения Петроградского Совета рабочих депутатов и Временного комитета Государственной думы, и не попадали в намеченные пункты выгрузки. Те же части, которые достигли предместий Петрограда, войдя в соприкосновение с населением и войсками гарнизона, очень быстро заявляли о своей солидарности с восставшим народом. Впрочем, надежность войск, понимаемая как подчинение начальникам и дисциплинированность в условиях фронта, не означала их готовности к исполнению карательных функций. Так, командир следовавшего с Ивановым Георгиевского батальона охраны Ставки генерал Пожарский заявил своим офицерам, что в Петрограде приказа стрелять в народ он не отдаст, даже если бы этого потребовал Иванов [8, с. 148].

Наконец, первые лица в Ставке и командовании фронтами находились в непосредственном контакте с думскими лидерами и склонны были к соглашению с ни-

ми. После отъезда из Ставки ранним утром 28 февраля Николая II власть и возможности фактического главы действующей армии оказались сосредоточены в руках начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева. От его решений теперь в огромной мере зависело то направление, в котором должен был разрешаться кризис. Ставя превыше всего интересы фронта и продолжения вооруженной борьбы с врагом, Алексеев считал, что никакие политические уступки Думе не таят в себе той опасности, какую в военное время может представлять внутренняя усобица. Такое отношение к способу урегулирования конфликта делало его надежным союзником Родзянко. Своей телеграммой № 1833, направленной в ночь на 1 марта прибывшему к тому времени в Царское Село Иванову, Алексеев, впервые именуя Временный комитет Государственной думы Временным правительством, сообщал, что тот предпринимает шаги к водворению порядка в столице и поэтому силовые методы в отношении его уже нецелесообразны. "Воззвание к населению, выпущенное Временным Правительством, говорит о неизбежности монархического начала России, о необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства... Если эти сведения верны, то изменятся способы наших действий, переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы..." [9, с. 31]. Это мнение Алексеев просил доложить царю, которого ожидали в Царском Селе, и, таким образом, блокировал любые действия Иванова, по крайней мере, до прибытия Николая II.

Как известно, царский поезд не был пропущен к столице и только вечером 1 марта прибыл в Псков, где находился штаб Северного фронта. Все это время информирование императора было затруднено, но Ставка и главнокомандующие войсками фронтов получали тревожные сведения о развитии революции в основных центрах страны. Утром 1 марта Родзянко известил командование действующей армии о переходе всей правительственной власти к Временному комитету Государственной думы, а в течение дня стало известно о восстании в Москве. Все это соответствующим образом определяло настроение первых лиц вооруженных сил страны, что следует из телеграмм, предназначенных для доклада императору. Командующий Балтийским флотом адмирал А.И. Непенин, сообщая о матросском восстании в Кронштадте, высказывал убеждение в необходимости пойти на соглашение с Государственной думой. Генерал Брусилов, обращаясь к царю через министра двора графа Фредерикса, в довольно обтекаемых выражениях просил не допускать междоусобицы, "признать совершившийся факт и мирно и быстро закончить страшное положение дела" [9, с. 43–44, 47]. Наконец, генерал Алексеев, подробно информируя царя о происшедшем за минувшие сутки и указывая на опасность, которую начавшаяся революция представляет для боеспособности армии, прямо предлагал политическое решение в соответствии с думскими установками: "Подавление беспорядков силою при нынешних условиях опасно и приведет Россию и армию к гибели. Пока

Государственная дума старается водворить возможный порядок, но если от вашего императорского величества не последует акта, способствующего общему успокоению, власть завтра же перейдет в руки крайних элементов, и Россия переживет все ужасы революции. Умоляю ваше величество, ради спасения России и династии, поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия, и поручить ему образовать кабинет" [9, с. 40].

За сутки политическая позиция высшего командования и в первую очередь Алексеева значительно активизировалась, но при этом, выступая на стороне Родзянко, он четко обозначал мотивы, которые носили скорее сугубо профессиональный характер. Главными обстоятельствами, которые тревожили генералитет, были вовсе не перемены в высших правительственных эшелонах, а последствия революционного переворота и внутреннего противостояния для действующей армии, промышленности, транспорта, ставившие под сомнение возможность продолжения войны. Крайне резкую реакцию Алексеева вызвали известия о задержках в движении воинских эшелонов и нарушениях связи военных учреждений Петрограда и Ставки. В телеграмме, направленной Родзянко, он ясно дал понять, что не допускает вмешательства политического руководства в дела военного управления, однако это его заявление можно было расценивать как признание за Временным комитетом Государственной думы первенства в политической иерархии страны при условии неприкосновенности прерогатив военного командования [9, с. 44–45]. Примечательно, что независимо от Алексеева к Родзянко обращался генерал Рузский, призывая его как главу Временного комитета принять все меры к пресечению беспорядков в Петрограде. Данное обращение давало понять, что главное командование Северного фронта считает Временный комитет Государственной думы единственной действующей властью в столице. Родзянко в свою очередь поспешил укрепить это представление, заверив Рузского, что соответствующие меры приняты и порядок в городе восстанавливается [9, с. 46, 52]. Таким образом, высшие военные круги и Временный комитет постепенно выстраивали схему взаимоотношений, в которых император уже отсутствовал.

С прибытием Николая II в Псков на первое место по значимости воздействия на него вышли военные. Понимая насколько важную роль в текущей обстановке может играть фактор времени, Алексеев взял на себя инициативу в выбивании из царизма политических уступок. В очередной телеграмме, адресованной императору, он не просто настоятельно просил согласия на создание "ответственного министерства", но и предлагал подготовленный в Ставке текст манифеста, который надлежало немедленно обнародовать и согласно которому образование нового правительства поручалось бы Родзянко [9, с. 53–54]. Данный факт заслуживает особого внимания: политический документ, передававший право формирования правящего кабинета Государственной думе был подготовлен не думскими политиками, а первыми лицами

Штаба Верховного главнокомандующего.

Докладывая царю содержание поступивших телеграмм, генерал Рузский выступал как доверенное лицо не только Алексеева, что было естественно, но и Родзянко, с которым также находился на прямой связи. Обе стороны ожидали, что Рузский не просто введет императора в курс происходящего, но и добьется от него желаемых решений. Информация и доводы военных для Николая II были наиболее весомыми, так как после доклада, состоявшегося около полуночи 2 марта, он выразил согласие подписать манифест и отдал телеграфное распоряжение в Царское Село Иванову воздержаться от любых действий.

Эти результаты Рузский поспешил донести Родзянко, связавшись с ним по прямому проводу. В ответ глава думского Комитета вынужден был признать, что ему и его соратникам не удалось остановить радикализации конфликта. Гнев народных масс направлен против династии и его не погасить созывом "ответственного министерства". Добытый манифест безнадежно запоздал, думские политики видят возможность спасти монархию ценой отречения Николая II в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Такая перспектива выглядела для Рузского непонятной и пугающей, но тревожила его не судьба монарха и монархии, а вероятные ее последствия для воюющей армии: "...Всякий насильственный переворот не может пройти бесследно. Что – если анархия, о которой говорите вы, перекинется в армию и начальники потеряют авторитет власти...?" Родзянко, сам не будучи ни в чем уверен до конца, все же попытался его успокоить: "...Переворот может быть добровольный и безболезненный для всех, и тогда все кончится в несколько дней" [9, с. 59]. Так, перед военными был установлен новый ориентир, новая цена, которую следовало заплатить за умиротворение.

Содержание разговора Рузского и Родзянко было передано в Ставку, но там выбор между защитой устоев монархии и продолжением борьбы с внешним противником на фронте уже был однозначно сделан в пользу последней. Логику этого решения впоследствии объяснял ближайший сподвижник Алексеева генерал-квартирмейстер Ставки А.С. Лукомский: "Было совершенно ясно, что если б Государь решил, во что бы то ни стало, побороть революцию силою оружия и это привело к прекращению борьбы с Германией и Австро-Венгрией, то не только наши союзники никогда этого не простили бы России, но и общественное мнение России этого не простило бы Государю. Это могло бы временно приостановить революцию, но она, конечно, вспыхнула бы с новой силой в самое ближайшее время, вероятно в ходе демобилизации армии, и смела бы не только правительство, но и династию" [9, с. 22–23]. Прагматичный профессиональный взгляд среди представителей высшего командования или, по крайней мере, в кругах близких к Алексееву, со всей очевидностью возобладал над соображениями преданности лично

монарху.

Ставка приняла установки Родзянко практически без промедления, но в Пскове непосредственно вести переговоры с царем и склонить его к отречению вновь предстояло одному Рузскому. Опасаясь необратимого развития событий в столице, Алексеев утром 2 марта настаивал, чтобы Рузский безотлагательно доложил Николаю II новые условия Родзянко, для чего следовало даже разбудить императора. Активнейшим помощником и единомышленником Алексеева выступал генерал Лукомский. Передавая это распоряжение начальнику штаба Северного фронта генералу Ю.Н. Данилову, он не скрывал, что излагает свою личную позицию, а его доводы выглядят аргументами, которые могли убедить царя. "Я прошу тебя доложить от меня генералу Рузскому, что, по моему глубоко убеждению, выбора нет, и отречение должно состояться. Надо помнить, что вся царская семья находится в руках мятежных войск... Если не согласится, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война, и Россия погибнет под ударом Германии, и погибнет вся династия". Данилова, как это видно из его ответа, не смущала возможность отречения и беспокойство доставляло только всем известная нерешительность Николая II: "Я убежден, к сожалению, почти в том, что, несмотря на убедительность речей Николая Владимировича и прямоту его, едва ли возможно будет получить определенное решение. Время безнадежно будет тянуться" [9, с. 75].

Хорошо изучивший характер царя Алексеев понимал, что в столь ответственном случае недостаточным было бы полагаться только на старания Рузского. Требование отречения следовало представить как общее мнение наиболее высокопоставленных военачальников. С этой целью Лукомскому поручено было подготовить телеграмму, которая за подписью Алексеева по прямому проводу была передана всем главнокомандующим фронтами. В ней отречение императора в пользу наследника при регентстве Михаила Александровича преподносилось как необходимое условие продолжения войны, а стало быть, спасения Отечества. Генералам было предложено срочно высказать свое мнение и передать его в Ставку, либо непосредственно царю [9, с. 67–70]. Наиболее определенно о своем согласии с планом отречения заявили генерал Брусилов и главнокомандующий Кавказским фронтом Великий князь Николай Николаевич. Генерал Эверт и главнокомандующий войсками Румынского фронта генерал В.В. Сахаров пожелали знать мнение остальных, но после его передачи, хотя и в самых осторожных и верно-подданных формулировках, также присоединились к общей позиции. С подобным заявлением выступил и командующий Балтийским флотом адмирал Непенин.

Это позволило Алексееву в 14 часов 30 минут 2 марта отправить телеграмму, в которой, изложив дословно высказывания главнокомандующих, он обращался лично

к императору со словами: "Умоляю безотлагательно принять решение, которое господь внушит вам". Но далее, не ограничиваясь докладом, Алексеев подводил императора к требуемому решению, как ранее подводил главнокомандующих: "Промедление грозит гибелью России... Ваше императорское величество горячо любите родину и ради ее целостности, независимости, ради достижения победы, соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося более чем тяжкого положения" [9, с. 73]. Несмотря на увещательный тон, во всей манере обращения Алексеева уже просматривалось отношение к Николаю II, как к объекту лишенному воли, от которого лишь требовалось получить желаемый ответ.

На последний и самый ответственный доклад к царю генерал Рузский отправился в сопровождение своего начальника штаба Данилова и начальника снабжения фронта генерала С.С. Саввича, которые также разделяли убеждение, что отречение необходимо для успокоения страны и доведения войны до конца. С другой стороны репутация обоих с точки зрения верноподданнических качеств была вне сомнений, Саввич до войны служил начальником штаба Корпуса жандармов. После доклада полученных телеграмм, генерал Рузский кратко повторил доводы Алексеева, подчеркнув, что ситуация требует немедленного ответа. Последние к кому обратился император, чтобы выяснить их мнение были генералы Данилов и Саввич. Оба заявили, что присоединяются к мнению председателя Государственной думы, поддержанное старшими начальниками. После краткого раздумья прозвучали слова царя: "Я решил. Я отказываюсь от престола..." Свое ощущение от пережитого в этот момент генерал Данилов передавал с нескрываемым торжеством: "Точно камень, давивший нас, свалился с плеч. Минута была глубоко торжественная. Поведение отрекшегося императора было достойно всякого преклонения" [4, с. 402].

В это время в Ставке по поручению Алексеева генерал Лукомский и начальник дипломатической части

Ставки Н.А. Базили готовили текст нового императорского манифеста – об отречении. Переданный в Псков данный манифест и был подписан вечером 2 марта в присутствии А.И. Гучкова и В.В. Шульгина после изменений, связанных с окончательным решением Николая II отречься за себя и наследника в пользу брата Михаила.

Выбор высшей военной элиты в условиях политического кризиса не был случайным или неожиданным. В нем отразились те конфликты и противоречия, которые складывались в ее отношениях с правящими кругами в последние месяцы. Высшее командование действующей армии в трудный момент отказалось от поддержки монарха, найдя точки взаимопонимания с политической оппозицией. Всего за двое суток с момента отъезда императора, Ставка совершила эволюцию от лояльной исполнительницы царской воли до активного помощника Временного комитета Государственной думы, а затем и Временного правительства. Инициативой Алексеева главнокомандующие армиями фронтов оказались вовлеченными в решение политических вопросов, в принципе не относящихся к их компетенции, а Ставка выступила фактическим исполнителем тех задач, которые только обозначались думскими политиками в Петрограде. При этом генералитет ни в коей мере не был противником монархического правления. В его выборе сказались усиленно пропагандируемые либералами настроения недовольства правительством, происками "темных сил", виновных в неудачах армии, и мнение о том, что политические перемены в стране приведут к победам на фронте. Начавшаяся в столице революция внушала военной верхушке огромную тревогу, так как могла поставить на карту успех войны. Ради ее прекращения фигура Николая II не представлялась чрезмерной жертвой. Эти мотивы двигали Алексеевым и его подчиненными, принявшими на себя миссию организации отречения императора. Чтобы повлиять на решения Николая II Ставка сумела мобилизовать такие возможности, какими думские деятели, конечно, не располагали. Для реализации царского отречения позиция и поведение высшего генералитета имели решающее значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М.: ТОО "Ред. журн. "Вопросы истории", 1993. – 143 с.
2. Воейков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. Гельсингфорс, 1936. – 434 с.
3. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Жуковский; М.: Кучково поле, 2001. – 440 с.
4. Данилов Ю.Н. Великий Князь Николай Николаевич. Жуковский; М.: Кучково поле, 2006. – 480 с.
5. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М.: Наука, 1991. – 520 с.
6. Из воспоминаний генерала Лукомского // Архив русской революции. Т. II. Изд. И.В. Гессена. Берлин, 1921. – С. 14–44.
7. Лемке М.К. 250 дней в царской ставке 1914–1915. Минск: Харвест, 2003. – 448 с.
8. Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. Л.: Воен. тип. Упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1927. – 212 с.
9. Февральская революция 1917 года (Документы ставки верховного главнокомандующего и главнокомандующего армиями северного фронта) // Красный архив. 1927. № 2. – С. 3–78.